

требителей, предпринимателей и других категорий граждан, а также иностранных инвесторов со стороны чиновников разных уровней.

В перспективе, по примеру многих стран, было бы целесообразно создание и многих специализированных омбудсменов.

Такие изменения, на наш взгляд, согласуются со стратегической линией наших граждан на построение в нашей стране демократического, правового и социального государства, а также с требованиями нового времени - развития системы защиты прав человека в соответствии с требованиями международного права.

Т.К. Ерджанов

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В МЕЖДУНАРОДНОЙ МОДЕЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Современная концепция прав и свобод человека в международном праве имеет устойчивую тенденцию к дифференциации. Это означает, что международное право исходит из необходимости учитывать специфику правового статуса личности в зависимости от таких факторов, как пол, возраст, профессия человека, состояние его здоровья, принадлежность к национальному или языковому меньшинству и т.д. С этой тенденцией связано появление большого числа международных документов, посвященных отдельным категориям населения: женщинам, детям, инвалидам, представителям различных профессий. Можно предположить, что и дальнейшее развитие международного права в данной сфере будет продолжаться в этом направлении.

Вместе с тем не менее важной тенденцией в области международно-правового статуса личности является уточнение, конкретизация и наполнение новым содержанием прав и свобод, общих для всех категорий населения. Очевидно, что право, впервые закрепленное в середине прошлого века, не может существовать в неизменном состоянии почти шесть десятилетий. Сами стандарты осуществления того или иного права (свободы) непрерывно меняются. Особенно это касается фундаментальных прав, без соблюдения которых невозможно существование современного демократического общества. Одним из них является право на справедливое судебное разбирательство. Его значимость в наши дни определяется возросшим влиянием права на все стороны жизни общества: почти все социальные отношения в той или иной степени регулируются правовыми нормами. В свою очередь, защита предусмотренных этими нормами прав и свобод предполагает возможность каждого индивида прибегнуть к судебным механизмам. В правовом государстве именно суд ставит последнюю точку в любом правовом споре, а судебное решение подлежит обязательному исполнению. Вот почему реализация права на справедливое судебное разбирательство гарантирует каждому лицу эффективную защиту от возможных злоупотреблений третьих лиц и государства, а также дает возможность восстановить справедливость.

Право на справедливое судебное разбирательство в той или иной степени закреплено в различных международно-правовых документах. Можно назвать в этой связи статьи 8, 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, статью 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, статью 6 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года и т.д. В то же время для анализа указанного права наиболее предпочтительной представляется статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, принятой европейскими государствами в Риме. Выбор данного акта связан с богатой судебной практикой защиты предусмотренных им прав в деятельности уникального международного органа – Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Анализ этой практики дает возможность понять, как следует трактовать право на справедливое судебное разбирательство в наши дни.

Начать необходимо с содержания статьи 6 Конвенции 1950 года. Из всех статей Конвенции, которые предусматривают наличие у индивида какого-либо права, статья 6 – одна из самых объемных. Соперничать с ней может только статья 5 Конвенции, которая гарантирует свободу и личную неприкосновенность. Очевидно, что фактически право на справедливое судебное разбирательство включает в себя целый ряд автономных прав, нарушение любого из которых несовместимо со справедливым судебным разбирательством как таковым. Статья 6 Конвенции как матрешка, включает в себя комплекс прав, который представляет собой минимальный стандарт гарантий для участников судебного процесса. Именно из-за такого широкого правового содержания статьи 6 в практике ЕСПЧ жалобы на нарушение этой статьи встречаются чаще всего.

Статья 6 Конвенции 1950 года гласит:

1. Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на все судебное разбирательство или его часть по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также если это требуется в интересах несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или в той мере, в какой это, по мнению суда, совершенно необходимо при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом.

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

а. быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

б. иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

в. защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, защитник должен быть ему предоставлен бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

г. допрашивать показывающих против свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него;

д. пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Анализ этих положений позволяет выделить как минимум, следующие составные части права на справедливое судебное разбирательство:

1) право на судебную защиту и признание процессуальной правосубъектности (право на доступ к правосудию);

2) право на справедливый суд, которое включает в себя:

- право на публичное разбирательство;
- право на рассмотрение дела в разумный срок;
- право на рассмотрение дела независимым судом;
- право на рассмотрение дела беспристрастным судом;
- право на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона;
- право на публичное объявление судебного решения;

3) право на презумпцию невиновности;

4) право на защиту, которое включает в себя:

- право знать сущность выдвинутого обвинения;
- право иметь достаточное время для подготовки к защите;
- право иметь достаточную возможность для подготовки к защите;
- право защищать себя лично или посредством выбранного защитника;

- право на предоставление бесплатного защитника в случае отсутствия достаточных средств на оплату его услуг;
 - право на то, чтобы свидетели стороны обвинения были допрошены;
 - право на вызов и допрос свидетелей стороны защиты;
 - право на бесплатную помощь переводчика;
- 5) право на состязательность и равноправие сторон.

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство, предусмотренное статьей 6 Конвенции 1950 года, фактически состоит из пяти автономных прав, а с учетом деления последних на более узкие права – из семнадцати прав. Как показывает практика ЕСПЧ, нарушение любого из этих прав, в зависимости от его характера и обстоятельств дела, может свидетельствовать о нарушении статьи 6 в целом и об отсутствии справедливого судебного разбирательства в соответствующем процессе.

Что касается первого из перечисленных прав – **права на доступ к правосудию** то ЕСПЧ исходит из максимально широкой трактовки данного права. Так, еще в 1970 году в решении по делу Делькур против Бельгии (*Delcourt v. Belgium*) ЕСПЧ указал, что «в демократическом обществе по смыслу Конвенции право на беспристрастное отправление правосудия занимает настолько видное место, что ограничительное толкование пункта 1 статьи 6 не соответствовало бы цели и задачам данного положения».

При этом важнейшим для процесса в целом является доступ к процедуре судебного разбирательства, включая все атрибуты пересмотра дела: «Принцип верховенства закона и понятие справедливого судебного процесса, предусмотренное статьей 6, исключает любое вмешательство законодательного органа в отправление правосудия с целью повлиять на судебное решение спора». Данное толкование было сделано в 1994 году по делу «Греческие нефтеперерабатывающие предприятия и Стратис Андреадис против Греции» (*Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*).

ЕСПЧ посчитал важным, чтобы доступ в ту или иную судебную инстанцию был не только формальным, но и реальным – Дело Эйри против Ирландии (*Airey v. Ireland*). Этот принцип был в дальнейшем применен в рассмотрении дела Андронику и Константину против Кипра (*Andronicou and Constantinou v. Cyprus*), в котором суд постановил, что в тех случаях, когда отсутствует система правовой помощи по гражданским делам, государство обязано предоставить альтернативные средства защиты, к которым может прибегнуть человек, чтобы предъявить гражданский иск.

Чрезвычайно сложное административное производство, определяющее рассмотрение судом дел, связанных с гражданскими правами, само по себе является нарушением права на обращение в суд. Дело Де Жуффри де ля Прадель против Франции (*De Geouffre de la Pradelle v. France*).

В пункте 1 статьи 6 перечисляются элементы, составляющие беспристрастное отправление правосудия. В частности, понятие «гражданские права и обязанности» трактуется достаточно широко. ЕСПЧ постановил, что подобные термины должны быть автономными и поэтому нет необходимости проводить разграничение между вопросами частного и публичного права или ограничиваться применением данного термина в спорах между частными сторонами. Дело Рингайзен против Австрии (*Ringeisen v. Austria*). В тех случаях, когда право формулируется во внутреннем законодательстве страны, суд должен определять данное право как гражданское в свете статьи 6 – дело Балмер-Шафрот и другие против Швейцарии (*Balmer-Schafroth and Others v. Switzerland*). Кроме того, в 1978 году в деле Кёниг против Федеративной Республики Германии (*Konig v. The Federal Republic of Germany*) ЕСПЧ постано

вил, что пункт 1 статьи 6 применяется в судебных слушаниях, исход которых напрямую повлиял на определение и/или реальное содержание того или иного частного права или обязанности. В ряде дел ЕСПЧ заявил, что понятие гражданского права охватывает также право на уважение чести и репутации. О таком подходе, в частности, свидетельствуют дела Хелмерс против Швеции (*Helmers v. Sweden*), и Толстой-Милославский против Соединенного Королевства (*Tolstoy-Miloslavsky v. The United Kingdom*).

Что касается понятия «уголовное обвинение», то пункт 1 статьи 6 предусматривает скорее материально-правовое, чем формальное толкование: уже упомянутое дело Делькур против Бельгии и дело Дьюэр против Бельгии (*Deweeg v. Belgium*). В 1982 году ЕСПЧ заявил, что уголовное обвинение может быть определено как «официальное уведомление, вручаемое лицу компетентным органом, об обвинении его в совершении уголовного преступления» – дело Экке против Федеральной Республики Германии (*Eckle v. The Federal Republic of Germany*). Однако впоследствии этот принцип был применен в расширительном смысле, когда ЕСПЧ постановил, что данное понятие должно быть распространено на «другие меры, которые являются следствием такого обвинения и которые также существенно влияют на положение подозреваемого» – дело Фоти и другие против Италии (*Foti and Others v. Italy*).

ЕСПЧ также посчитал, что критерию «существенных последствий» отвечают такие действия, как выдача ордера на обыск помещений и лиц, но не допрос свидетелей или другие действия, не имеющие прямого отношения к подозреваемому. Важно, чтобы государство не представляло уголовное дело как административное с целью избежать соблюдения требований статьи 6: «Если бы договаривающиеся государства могли по своему усмотрению, классифицируя преступление как «регулятивное», а не уголовное, исключить действие основополагающих положений статей 10, 6 и 7, то применение этих положений зависело бы от их суверенной воли. Столь широкая свобода действий могла бы привести к результатам, не совместимым с задачами и целями Конвенции». Данное толкование содержится в решении по делу Оцтюрк против Федеративной Республики Германии (*Osturk v. the Federal Republic of Germany*).

Данный вопрос был затронут и в процессе судебных слушаний о нарушении воинской дисциплины. Суд вынес решение, что классификация предъявленного обвинения не являлась определяющим фактором. Решающими критериями того, является ли то или иное дело «уголовным», с учетом целей Конвенции, являются область нарушенной правовой нормы, характер преступления и серьезность потенциального наказания. Возможное применение приговора о тюремном заключении считается достаточным, чтобы соответствовать требованиям статьи 6. Соответствующие выводы содержатся в решении по делу Энгель и другие против Нидерландов (*Engel and Others v. the Netherlands*).

Важнейшим элементом справедливого судебного разбирательства является **право обвиняемого знать о сущности и характере предъявляемого ему обвинения**. ЕСПЧ неоднократно фиксировал факт нарушения статьи 6 в связи с тем, что обвиняемый не был проинформирован обо всех материалах, используемых в судебном разбирательстве. Например, в деле Вернер против Австрии (*Werner v. Austria*) о требовании компенсации за незаконное задержание, лицо требующее выплаты такой компенсации, не получило возможности прокомментировать отчет, представленный национальному суду обвинителем. ЕСПЧ не согласился с точкой зрения правительства страны (Австрии) о том, что в отчете не содержалось никакой новой для судебного процесса информации, и постановил, что решать это вправе противоположная сторона судебного разбирательства. В деле Нидред-Хубер против Швейцарии (*Nidret-Huber v. Switzerland*) правительство Швейцарии утверждало, что отсутствие коммуникации не имело решающего значения для результата судебного разбирательства. Окружной суд Швейцарии направил в апелляционный суд жалобу, сопроводив ее комментариями окружного суда, в которых окружной суд просил апелляционный суд отклонить жалобу. Текст комментариев окружного суда не был предоставлен для ознакомления стороне, подававшей жалобу. Суд постановил, что стороны судебного процесса имеют право ознакомления с материалами, направляемыми в суды (в данном случае, в Апелляционный суд), и

принятия решения в отношении допустимости комментирования таких материалов какой-либо из сторон.

Отдельная проблема возникает в случаях, когда одна из сторон судебного разбирательства не получает доступа к документам, содержащим обоснование решения, вынесенного в результате судебного разбирательства, поскольку такая ситуация может воспрепятствовать своевременной подаче жалобы пострадавшей стороной. В Нидерландах ранее окружные суды зачастую предоставляли апелляционным судам документы, содержащие обоснования вердикта, только когда апелляция на обжалование решения суда уже была подана. Такая система, с точки зрения организации работы судов, имеет свои преимущества, но она отрицательно сказывается на подающей апелляцию стороне, так как в момент подачи апелляции такая сторона не знакома с аргументами суда в пользу вынесенного судом вердикта.

В деле *Hadjiana Stassion v. Greece* обвиняемый не получил доступа к обоснованиям вынесенного греческим военным судом вердикта в момент обжалования решения суда. Позднее ему заявили, что в соответствии с законами Греции он не имеет права уточнять причины своей апелляции после подачи последней в Апелляционный суд. Следовательно, обвиняемый не мог опровергнуть обоснования судебного решения, что, по мнению ЕСПЧ, является ограничением права человека на полноценную защиту себя в суде и, таким образом, нарушением статьи 6 (право планировать и готовить свою защиту).

Что касается **такого элемента права на защиту, как допрос свидетелей**, то здесь практика ЕСПЧ достаточно разнообразна. Согласно общему подходу, подсудимый, наравне со своим правом ознакомления со всеми материалами дела и оспаривания допустимости доказательств, имеет право допрашивать всех свидетелей. Для реализации данного права в принципе является необходимым, чтобы подсудимый лично и/или его адвокат задавали вопросы в процессе перекрестного допроса свидетелей, происходящего во время судебных слушаний. Следовательно, суд имеет право пренебречь показаниями свидетеля, если подсудимый не имел возможности допросить этого свидетеля.

Однако было бы очень сложно следовать данному принципу во всех случаях. Повторить или подтвердить на суде показания, данные свидетелем во время следствия, иногда не представляется возможным по причине исчезновения или смерти свидетеля. Такая ситуация также может сложиться, если существует риск нанесения свидетелю психологической травмы при перекрестном допросе во время судебного слушания по таким делам как, например, преступления на сексуальной почве.

В деле *Unter Pertinger v. Austria*, слушавшемся в ЕСПЧ, австрийский суд объявил обвиняемого виновным в плохом обращении с бывшей женой и падчерицей. Вердикт был основан на показаниях, данных обеими женщинами во время следствия. Несмотря на отказ женщин предоставить показания в суде в устной или в письменной форме, суд пришел к решению о виновности обвиняемого. Суд постановил, что показания, данные обеими женщинами в ходе следствия, были основным доказательством против обвиняемого. Вследствие отказа женщин от дачи показаний в зале суда обвиняемый был лишен возможности допросить их. Таким образом, он был лишен права участвовать в перекрестном допросе свидетелей, и его право защищать себя в суде по мнению ЕСПЧ было, таким образом ограничено.

Однако в слушаниях по делу *Asch v. Austria* ЕСПЧ пришел к противоположному заключению. Из материалов дела следовало, что потерпевшая отказалась подписать письменные показания во время судебного разбирательства. Однако суд счел, что в ходе процесса были найдены другие доказательства вины обвиняемого. ЕСПЧ постановил, что нарушения положений статьи 6 совершено не было. Аналогичное решение было принято по делу *Isogro vs Italy*. Лицо, предоставившее следствию информацию об обвиняемом, которая могла бы быть использована против обвиняемого в суде, не явился на судебное слушание. Поскольку в материалах дела содержалась и другая информация, доказывающая обоснованность позиции обвинения, ЕСПЧ постановил, что положения статьи 6 и принцип беспристрастного суда нарушены не были.

В слушаниях по известному делу Дельта против Франции (Delta v. France) ЕСПЧ установил факт нарушения положений Статьи 6 при проведении судебного разбирательства в отношении лица, осужденного французским судом за ограбление в парижском метро. Обвиняемый еще на стадии следствия был опознан в качестве лица, совершившего ограбление, двумя свидетелями, которые не явились в суд для дачи показаний. ЕСПЧ постановил, что обвиняемый был лишен возможности защищать себя в суде.

Следует отметить, что точка зрения ЕСПЧ на предоставление обвиняемым возможности участия в перекрестном допросе свидетелей не поддается простому резюмированию. Основной принцип, однако, заключается в том, что свидетельские показания в отношении обвиняемого должны заслушиваться в присутствии обвиняемого, таким образом предоставляя ему и его адвокату возможность участия в перекрестном допросе свидетеля. Согласно европейским нормам, в некоторых случаях, когда проведение перекрестного допроса в ходе судебного слушания является невозможным, приемлемой может являться ситуация, при которой у обвиняемого была возможность участия в перекрестном допросе свидетеля хотя бы в ходе следствия.

В судах стран европейского сообщества решения суда, вынесенные на основании исключительно свидетельских показаний, как правило, идут вразрез с положениями статьи 6, если обвиняемому не была предоставлена возможность участия в перекрестном допросе свидетелей. Если, помимо предоставленной свидетелем информации, в материалах дела имеются другие обладающие юридической силой доказательства, ЕСПЧ в некоторых случаях постановляет, что принцип беспристрастного суда не был нарушен.

Вопрос о приемлемости использования в суде показаний, данных анонимными свидетелями, является неоднозначным. Допрос лица, данные о личности которого не разглашаются, может рассматриваться в качестве нарушения принципа равноправия сторон (поскольку такой свидетель не является неизвестным для обвинения). Именно такой подход был применен КСПЧ в 1989 году в решении по делу Костовски против Нидерландов (Kostovskoy v. The Netherlands). Подсудимый Костовски был признан виновным в ограблении банка. Вердикт был основан на информации, предоставленной полиции в ходе следствия двумя лицами, не известными обвиняемому, причем ни опрос, ни перекрестный допрос данных свидетелей во время судебного слушания не производился. У обвиняемого не было возможности задать вопросы этим свидетелям. Вследствие того, что обвиняемый не знал личностей свидетелей, он был лишен возможности подвергнуть сомнению правильность предоставленной ими информации. В своем решении ЕСПЧ постановил, что в данном случае имелось нарушение положений статьи 6, поскольку гарантированное Конвенцией право обвиняемого не было реализовано.

В ходе нескольких судебных слушаний по различным делам ЕСПЧ постановлял, что положения Конвенции не ограничивают право следственных органов использовать информацию, полученную в ходе следствия от анонимных свидетелей. Однако если впоследствии национальный суд использует такую информацию в ходе судебного разбирательства, это может быть интерпретировано в качестве нарушения положений Конвенции. Положения Конвенции как таковые не предусматривают обязательного обеспечения безопасности свидетеля и/или истца, хотя известны случаи, когда жизнь или здоровье людей подвергались опасности при встрече с обвиняемым в зале суда. По этой причине страны-участницы Конвенции обязуются организовывать судебные слушания по уголовным делам таким образом, чтобы обеспечить безопасность жизни и здоровья свидетеля или истца. Такое право на обеспечение безопасности, однако, должно всегда обеспечиваться не за счет права подсудимого на беспристрастный суд.

В деле Van Mechen and others v. the Netherlands заявители были осуждены за ограбление банка на основании информации, предоставленной полицейскими, чьи личности не были известны обвиняемым. Полицейских допрашивал следователь, причем обвинитель и обвиняемый во время допроса находились в соседнем помещении, но могли слышать вопросы и ответы свидетелей посредством аудиотрансляции. Причиной такой организации допроса свидетелей явилось нежелание сделать невозможным участие полицейских в суде в будущем, а

также в интересах безопасности полицейских и их семей. ЕСПЧ напомнил сторонам о том, что полицейские имеют определенные обязанности в сфере борьбы с преступностью, в связи с чем полицейские часто дают свидетельские показания в суде. В таких случаях следует тщательно рассмотреть вопрос о придании предоставленным полицейскими показаниям статус анонимных. В данном случае ЕСПЧ не признал ситуацию требующей таких мер предосторожности, поскольку наличие угрозы для жизни и здоровья полицейских и их семей не было доказано. Кроме того, показания данных свидетелей были единственным свидетельством виновности обвиняемых. В данных обстоятельствах ЕСПЧ счел, что права обвиняемых были нарушены образом, не соответствующим положениям статьи 6 Конвенции.

Характерно, что прецедентная практика ЕСПЧ свидетельствует о том, что справедливое судебное разбирательство предполагает наличие у сторон процесса **ряда прав, которые прямо не указаны в тексте статьи 6 Конвенции**. Фактически, в подобных случаях мы имеем дело с судебным правотворчеством, посредством которого ЕСПЧ развивает и уточняет правовое содержание норм Конвенции. В качестве примера можно указать такое право, как право обвиняемого хранить молчание и не свидетельствовать против себя.

По результатам рассмотрения ряда дел ЕСПЧ сформулировал право человека не сообщать сведения, которые могут послужить основанием для обвинения его в преступлении правонарушения. Смысл данного принципа заключается в том, что обвиняемый ни в коем случае не обязан содействовать следствию или процессу сбора доказательств путем признания фактов или предъявления содержащих доказательства его виновности документов. Сбор и предоставление исчерпывающих доказательств виновности обвиняемого – это задача обвинения, тогда как обвиняемый имеет право хранить молчание и не обязан облегчать работу обвинения.

Так, в деле 1993 года *Funke v. France* заявители были подвергнуты штрафу за то, что отказались предъявить банковские документы, требовавшиеся для расследования дела о финансовом преступлении, которое, как предполагалось таможенными органами, могло быть совершено заявителями. Хотя в отношении осужденных и не было возбуждено судебное преследование за это финансовое преступление, ЕСПЧ постановил, что, пытаясь заставить обвиняемых предъявить суду уличающие их документы, государство нарушило их право хранить молчание.

В деле *Sounders vs United Kingdom*, рассмотренном в 1998 году, заявителя обязали под угрозой уголовного наказания в виде тюремного заключения ответить на вопросы, заданные инспекторами Министерства торговли и промышленности в ходе проводимого расследования в отношении приобретения контрольного пакета акций компании. Предоставленная заявителем информация позднее была названа «несущественной частью доказательств, свидетельствующих против него на возбужденном против него судебном слушании», где заявитель был осужден и приговорен к тюремному заключению за правонарушения, включая мошенничество в торговле. ЕСПЧ постановил, что право заявителя не уличать себя в преступлениях было нарушено. В данном случае также важно, насколько свобода от обязательства в отношении самооговора тесно связана с презумпцией невиновности.

Согласно пункту 3 статьи 6 Конвенции, **обвиняемый должен иметь достаточно времени и возможности для подготовки своей защиты**. Данное право предоставляет обвиняемому гарантию от чрезмерно поспешного суда. Это положение уравнивается содержанием пункта 1 статьи 6, согласно которому суд над обвиняемым должен состояться в разумные сроки. Анализ прецедентной практики ЕСПЧ показывает, что содержание данного права может варьироваться в зависимости от обстоятельств дела, среди которых следует учитывать:

- сложность дела (*Albert and Le Compte v. Belgium*);
- степень загруженности защитников работой (*X and Y v. Austria*);
- стадию рассмотрения дела (*Huber v. Austria*);
- решение обвиняемого о самостоятельном ведении своей защиты (*X v. Austria*).

Не подлежит сомнению, что общественный защитник или адвокат по выбору обвиняемого должен быть назначен заблаговременно, в разумные сроки до начала рассмотрения дела в суде. Как правило, для подготовки апелляции необходимо меньше времени, чем для подготовки защиты к судебному процессу (дела *X and Y v. Austria* и *Perez Mahia v. Spain*).

В деле 1982 года *Corigliano v. Italy* было установлено, что указанное право обвиняемого вступает в силу с момента начала уголовного преследования, то есть с момента ареста или иного события, «существенного в плане возможной уголовной ответственности» данного лица.

Право обвиняемого на достаточные возможности для подготовки защиты было разъяснено в деле *Can v. Austria*. Это право подразумевает наличие у обвиняемого «возможности адекватной организации своей защиты без ограничения возможности предъявления суду всех важных для защиты аргументов». Это право включает в себя также возможность беспрепятственного общения обвиняемого со своим защитником как в период подготовки дела к слушанию, так и в дальнейшем, в объеме, необходимом для подготовки защиты (*Campbell and Fell v. United Kingdom*). Далее, при содержании обвиняемого под стражей, ему должна быть предоставлена возможность общения с защитником в обстановке, гарантирующей недоступность информации для слухового восприятия служащими мест предварительного заключения и другими государственными служащими, в целях обеспечения возможности обмена конфиденциальной информацией, связанной с подготовкой защиты). Возможности посещения обвиняемых защитниками могут быть ограничены в случаях, когда подобные ограничения продиктованы интересами общества (в частности, для предотвращения побегов из мест предварительного заключения или создания препятствий судопроизводству): дела *Can v. Austria* и *Campbell and Fell v. United Kingdom*.

Основной целью рассматриваемой нормы является обеспечение «равенства сил» между обвинением и защитой путем предоставления обвиняемому «возможности ознакомления, в целях подготовки защиты, с результатами проведенного расследования» (*Jespers v. Belgium*). При рассмотрении в 1992 году дела *Edwards v. United Kingdom* было установлено, что бремя доказывания лежит на обвинении, которое обязано предъявить защите все вещественные доказательства, свидетельствующие как в пользу, так и против обвиняемого. Невыполнение данного требования может привести к вынесению судом несправедливого приговора. Такое требование, однако, не означает, что обвинитель должен раскрывать защите все доказательства, которые он намерен предъявить суду (дело *X v. United Kingdom*).

Что касается **права обвиняемого защищаться самому или посредством защитника**, то, согласно прецедентной практике ЕСПЧ, целью данного положения является недопущение рассмотрения дела против обвиняемого «при отсутствии должным образом организованной защиты» (дело *Pakelli v. Germany*). Это положение важно также для обеспечения «равенства сил» сторон. Обвиняемому должны быть созданы условия для «не менее убедительной аргументации своего дела, чем со стороны обвинения» (*X v. Germany*). При этом защитник обвиняемого должен «стоять на страже соблюдения процессуальных норм» как в интересах своего клиента, так и в интересах общества (дело *Ensslin, Baader и Raspe v. Germany*). Данный принцип применяется как на стадии подготовки дела к слушанию, так и на стадии самого слушания (дело *Quaranta v. Switzerland*).

Если обвиняемый решил защищать себя сам или «сознательно отказался от своего права воспользоваться услугами адвоката», он обязан «демонстрировать надлежащее усердие», (дело *Melin v. France*). В соответствии с этим возникновение процессуальных затруднений вследствие отсутствия ожидаемого усердия со стороны обвиняемого не может трактоваться в качестве нарушения государством статьи 6. Термин «ожидаемое» означает учет способностей и знаний конкретного обвиняемого, а также его предполагаемой компетенции.

При рассмотрении в 1983 году дела *Pakelli v. Germany* ЕСПЧ постановил, что государство не вправе требовать от обвиняемого ведения своей защиты самостоятельно в случае его нежелания защищать себя лично. Требованием статьи является обеспечение обвиняемому, не желающему защищать себя лично, защиты с помощью нанятого им адвоката или, при неко-

торых обстоятельствах, с помощью общественного защитника. В деле 1993 года *Poitrimol v. France* ЕСПЧ постановил, что за исключением некоторых случаев, «право каждого, обвиняемого в совершении уголовного преступления, на квалифицированную защиту юристом, в случае необходимости назначенным государством, является одним из основополагающих принципов беспристрастного суда».

Важно подчеркнуть, что право обвиняемого на юридическую защиту не ставится в зависимость от личного присутствия обвиняемого (*Campbel and Fell v. United Kingdom*). При рассмотрении в 1994 году дела *Lala v. Netherlands* ЕСПЧ конкретизировал данное положение, указав, что «хотя требование присутствия обвиняемого при рассмотрении судом его дела является требованием первостепенной важности, факт неявки обвиняемого, вызванного в суд в установленном порядке, даже в случае отсутствия на то уважительной причины, не является основанием для лишения обвиняемого права» на защиту с помощью адвоката.

Реализация права обвиняемого на государственного защитника обусловлена двумя положениями:

1) Государственный защитник назначается в случае отсутствия у обвиняемого достаточных средств. Прецедентов, указывающих вид и уровень личных средств, учитываемых при решении вопроса о назначении государственного защитника, не существует. Бремя доказательства факта отсутствия у обвиняемого достаточных средств, по всей вероятности, ложится на самого обвиняемого. При этом нет необходимости доказательства этого факта на уровне «отсутствия разумных оснований для сомнений»: достаточно привести лишь «некоторые аргументы» (дело *Pakelh v. Germany*).

2) Государственный защитник назначается лишь в случаях, когда этого требуют интересы правосудия. Выполнение этого условия следует оценивать исходя из фактов, относящихся к рассматриваемому делу в целом. Интересы правосудия учитываются судом при оценке необходимости назначения государственного защитника на основании следующих критериев:

а) чем сложнее дело, тем более вероятно признание необходимости назначения государственного защитника (дело *Granger v. United Kingdom*);

б) следует учитывать возможный вклад обвиняемого в организацию своей защиты в случае ее ведения обвиняемым. Важно при этом, чтобы обвиняемый обладал достаточными возможностями для представления своей точки зрения по делу (также дело *Granger v. United Kingdom*);

в) учитывается также серьезность предъявляемого обвинения и возможного наказания по приговору (дело *Boner v. United Kingdom*).

Государство не обязано предоставлять обвиняемому возможность принимать в какой бы то ни было форме участие в назначении государственного защитника и оказывать влияние на его работу. Далее, обвиняемый не имеет права: выбирать адвоката, выступающего в качестве государственного защитника (*F. v. Switzerland*); давать советы и рекомендации по выбору государственного защитника; настаивать на применении защитником той или иной линии защиты, которую адвокат считает несостоятельной или неприемлемой (дело *Kamasinski v. Austria*).

И наконец, право на юридическую помощь должно быть «действенным». В деле 1980 года *Artico v. Italy* обвиняемому был назначен бесплатный защитник, который, однако, реально не представлял его в суде, ссылаясь на болезнь и на обязательства по ведению других дел. Обвиняемый неоднократно обращался по этому поводу с ходатайствами в Кассационный суд, однако другой защитник ему назначен не был. В итоге обвиняемый был вынужден самостоятельно вести свою защиту, хотя квалифицированная юридическая помощь в данном случае была бы весьма полезна. ЕСПЧ указал, что статья 6 (3)(с) гарантирует обвиняемому право на юридическую помощь, а не только на назначение защитника, и на этом основании не принял во внимание довод представителя итальянского государства о том, что защитник был действительно назначен. Однако в решении ЕСПЧ по этому же делу сказано, что «государство не может нести ответственность за все недостатки в работе адвоката, назначенного

для представления обвиняемого в суде». ЕСПЧ пришел к заключению, что в соответствии со статьей 6 (3)(с) «вмешательство компетентных государственных органов требуется только в случаях, если неспособность назначенного защитника обеспечить действительное представительство стороны в суде является очевидной или если на этот факт обращается достаточное внимание компетентных органов» (см. также дело *Tripodi v. Italy*).

Прецедентная практика ЕСПЧ в отношении **права на услуги переводчика** также достаточно последовательна. Право пользоваться услугами переводчика предполагает ситуацию, когда подсудимый не владеет используемым в судебном слушании языком в достаточной мере. Следовательно, подсудимому недостаточно владеть другим языком или в повседневной жизни говорить на другом языке, как, например, в случаях с представителями этнических меньшинств. Ни в коем случае не разрешается навязывать обвиняемому оплату услуг переводчика, и данное правило является абсолютным (дело *Luedicke, Belkacem and Koc v. Germany*).

Анализ права на справедливое судебное разбирательство в международно-правовой модели прав личности позволяет сделать следующие выводы. Более половины дел, слушаемых в Страсбурге ЕСПЧ, имеют отношение к положениям статьи 6. Объяснением этому является тот факт, что статья 6 имеет широкое поле действия и затрагивает досудебные и судебные процедуры, процедуры рассмотрения апелляций, некоторые разбирательства дисциплинарного характера, а также процедуры ведения дел в специальных трибуналах. Положения статьи также требуют от государства предоставления гражданам права на апелляцию или судебный пересмотр дела в тех случаях, когда административные решения прямо затрагивают «гражданские права и обязательства» граждан. Положения статьи также играют важнейшую роль в ситуациях, когда нарушаются права граждан на судебное разбирательство «в разумный срок», поскольку в судах европейских стран весьма часто наблюдались случаи существенных задержек в судебных разбирательствах. Наконец, Суд постоянно проявляет уважение к национальным судебным системам и позволяет национальным судам проводить разбирательства с учетом сложившейся в таких странах практики.

Для Республики Казахстан крайне актуальным является вопрос модернизации судебной и правоохранительной системы с целью максимального соответствия действующим международным стандартам.

А.О. Избасаров

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРИКАСПИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСАМ ДЕЛИМИТАЦИИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗРАБОТКИ РЕСУРСОВ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА КАСПИЯ

Распад Советского Союза привел к изменению геополитической ситуации в Прикаспийском регионе. Новые независимые государства предъявили права на использование ресурсов континентального шельфа Каспия. Вместе с этим появились проблемы определения правового статуса моря, делимитации шельфа, правового регулирования разработки ресурсов, установления принципов свободы судоходства и использования водной толщи. До 1991 года правовой статус Каспийского моря регулировался договором от 26 февраля 1921 года между Россией и Персией и договором от 25 марта 1940 года между СССР и Ираном. В соответствии с данными договорами устанавливался принцип свободного судоходства и рыболовства только судов этих двух государств под своим флагом. То есть, согласно данным договорам прикаспийские государства имеют суверенные права на 10-мильную рыболовную зону, все они имеют равные права на ресурсы остальной части моря, Каспийское море является закрытым для государств, не имеющих: естественного доступа в его бассейн, в использовании его пространства и ресурсов [1].